

что перевод «Слова о полку Игореве» в первом издании его дает следующее понимание этого места: «О ветер, ветрило . . . к чему навеваешь легкими своими крылами Хиновские стрелы на милых мне воинов». Карамзин также говорит о «стрелах» в своей вольной передаче этого места. Сопоставляя оба текста, видим, что ветры, по словам Ярославны, имеющие легкие крылья, являются теми внуками Стрибога, которые упоминаются в первом тексте. Таким образом языческие ветры, внуки Стрибога, являются крылатыми, как и в античной мифологии. Крылатые ветры упоминаются не только в «Слове о полку Игореве»; о них несколько раз говорит Кирилл Туровский, и много раз «ветренные крылья» упоминаются в Псалтыри. Так, у Кирилла Туровского: «Ови (т. е. ангелы) облакы крылы вѣтренными приносят на взятие от земли», или «взыде бо, рече, на херовим и летѣ на крылу вѣтренною» — это перевод с греческого: ἐπάτασθαι ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων, XVII, 11. Крылатые ветры греческой мифологии легко отвечали языческим славянским крылатым ветрам, внукам Стрибога. Тихонравов слово «стрела» производил от Стри-бога.¹

Ярославна два раза, обращаясь к ветру, называет его «господином»: «Чему, господине, насильно вѣши», «чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя». Это обращение не привлекало к себе внимания, но оно встречается в древнейшем известном нам плаче владимирцев, провожавших тело Андрея Боголюбского, когда его несли через серебряные ворота во Владимире. Этот плач внесен в Ипатьевскую летопись: «Ужели (к) Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлатъ послал бяше», и т. д. (под 1175 г.). Не только обращение «господине», но и жалобный тон этого плача совпадают с плачем Ярославны.

В плаче Ярославны оказалась интересная деталь, поясняющая летопись. Обращаясь к Днепру, она восклицает: «О Днепре, Словетицю, ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до пълку Кобякова». Упоминание о «насадах», которые Днепр нес на себе до войск Кобяка, есть намек на поход Святослава в 1183 г. против Кобяка и представляет новое данное сравнительно с летописным рассказом об этом походе в Ипатьевской летописи, в которой читаем: «Идущю же ему (т. е. Святославу) по Днепру и стату, идеже нарѣцается Инжирь брод и ту перебродися на ратьную сторону Днепра и 5 дни искаша их» (т. е. половцев; в Радзивиловской летописи сказано только: «и прешедше угл реку 5 дней искаша их», л. 23). Летопись ясно говорит, что Святослав шел Днепром, но не упоминает о насадах, о которых идет речь в плаче Ярославны, и таким образом текст Слова уточняет летописный рассказ.

Следует отметить также и другой любопытный факт. Параллельные Словоу тексты летописей описывают перипетии боев Игоря с половцами и говорят о том, что русское войско было отеснено от воды и изнемогло от жажды в течение трех дней. В Лаврентьевской летописи читаем: «Изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, в знои и в тузѣ. . . по 3 дни бо не пу-

¹ Слово о полку Игореве. М., 1868, стр. 33. См. также у Георгия Писиды: «и прежде дыхания ветры проявляют ефера, объемлюще облакы своими крылами». Ф. Буслаев: Историческая хрестоматия, М., 1861, стлб. 919.